

Б **О** **Р** **Е** **Ц**
ЗА НАРОДНОЕ
Д **Е** **Л** **О**

Тавалды Жукеев — Александр Александрович Пудовкин

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ПАРТИИ ПРИ ЦК КП КИРГИЗИИ ФИЛИАЛ
ИНСТИТУТА МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА ПРИ ЦК КПСС

В. Н. СЕМЕНКОВ

БОРЕЦ ЗА НАРОДНОЕ ДЕЛО

(Т. Жукеев — А. А. Пудовкин)

К И Р Г И З С К О Е
Г О С У Д А Р С Т В Е Н Н О Е
И З Д А Т Е Л Ъ С Т В О
Ф р у н з е 1963

3 КП1
С—301

В этой брошюре, написанной на основе документальных материалов Центральных госархивов Москвы, Ташкента и Фрунзе, рассказывается о первом киргизском революционере-большевике Жукееве Тавалды — Пудовкине Александре Александровиче, жизнь и деятельность которого является вдохновляющим примером беззаветного служения народу и Коммунистической партии Советского Союза.

ЗКП1 (С54) + ЗКП1 (О92)

Добровольное вхождение Киргизии в состав России, несмотря на реакционно-колонизаторскую политику царского самодержавия, объективно сыграло в истории киргизского народа огромную прогрессивную роль.

Важнейшим обстоятельством, определяющим прогрессивность воссоединения Киргизии с Россией, является, наряду с другими факторами экономического и культурного характера, прежде всего, общение киргизского народа с русским рабочим классом. В лице революционного рабочего класса России трудящиеся Киргизии увидели вождя и союзника в борьбе против общего врага — эксплуататоров.

Вхождение Киргизии в состав России, объединение передовой части киргизов с силами русского народа в борьбе против национального и социального гнета являлось частью в подготовке общего фронта всероссийского революционного движения, которое во главе с пролетариатом и его ленинской партией привело в конце концов к освобождению всех народов бывшей царской империи и к созданию невиданного в истории социалистического содружества десятков национальностей, населяющих нашу Родину.

Еще на заре существования большевизма после II съезда РСДРП Центральный Комитет во главе с В. И. Лениным предпринял огромные усилия по интернациональному сплочению трудящихся масс России.

В середине октября 1903 года между В. И. Лениным и Г. В. Плехановым был согласован вопрос об издании социал-демократической литературы на армянском и грузинском языках. В результате в феврале 1904 года в

Женева была образована специальная Комиссия по изданию такой литературы¹ для народов окраин России.

Кавказский союзный комитет РСДРП полностью одобрил работу Комиссии, намереваясь даже перенести издание своей газеты «Борьба пролетариата» за границу.

Нет прямых данных о специальном издании в то время литературы или листовок для Средней Азии, но через Баку, где была подпольная типография РСДРП, на Красноводск и далее в Ташкент шли также и нелегальные издания партии и революционное влияние на население Туркестана. Поэтому железные дороги и железнодорожные станции края в то время концентрировали наиболее передовую и революционную часть пролетариев этой отдаленной окраины. Именно здесь и складывались первые революционные группы и партийные организации.

Под непосредственным влиянием революционной борьбы рабочего класса России, проникавших сюда марксистско-ленинских идей в начале XX века и в Киргизии начало зарождаться революционное движение.

Одним из первых представителей киргизского народа, ставших на путь революционной борьбы, является Тавалды Жукеев—Пудовкин Александр Александрович.

ДЕТСТВО И ЮНОШЕСКИЕ ГОДЫ

Верный сын киргизского народа и большевистской партии, революционер Жукеев Тавалды—Пудовкин Александр Александрович родился в 1882 году на одной из зимовок Джеты-Огузского района Иссык-Кульской долины.

В обычных условиях жестокой эксплуатации родители Тавалды владели нищенское существование, с утра до позднего вечера работая на бая за тощий кусок баранины. Тяжелый труд и постоянное недоедание свели, еще совсем молодым, отца Жукеева в могилу. В 1894 году мать вторично вышла замуж и переехала в город Ток-

¹ См. Ленинский сборник VII, стр. 115.

мак, где в том же году отдала Тавалды в батраки к русскому кулаку¹.

Несмотря на насмешки и побои, которые ему приходилось терпеть от своего хозяина, Тавалды рос, не склоняя головы перед хозяином и его холоуями. В глубине его черных глаз часто горел гнев раба, который ждал того дня, когда во всю ширь он сможет развернуть свою молодую грудь и вырвать с корнем зло, порожденное нумущественным неравенством.

В 1899 году, работая скотогонном у купца Бойкова, Тавалды вместе с хозяином погнал в Андижан для продажи скот. Длинный путь пришлось преодолеть Тавалды от Токмака до Андижана. В то время как купец отлеживался на арбе, приходя в чувство от очередного похмелья, Тавалды, не смыкая глаз, тряся верхом на лошади в пыльном мареве, поднятом лениво бредущим гуртом. Далеко позади остался Токмак. С каждым днем перед Тавалды открывались все новые и новые горизонты: зеленый покров Чуйской долины сменился вначале солончаками, а затем песчаником, покрытым верблюжьей колючкой.

Большое впечатление произвел на Тавалды город Ташкент, который всем своим видом манил к себе юное сердце. Никогда ему еще не приходилось видеть такой большой город, где бы по железным линиям бегали дикийовинные поезда, а по улицам двигались такие толпы народа. В ту пору не думал Тавалды, что с этим городом ему через некоторое время придется связать свою жизнь, жизнь революционера и борца за народное счастье.

В городе Бойков задержался недолго. Порасспросив на базаре и в чайханах о ценах на скот, он приказал Тавалды двигаться дальше. Дорога от Ташкента до Андижана шла веселей, то тут, то там встречались караваны, двигавшиеся из Китая через Хорог на Ташкент и Оренбург. Одна за другой появлялись запыленные тройки ямщиков, гонявших ямщину между большими поселками и железнодорожными станциями. Чтобы не плутать, Бойков приказал Тавалды держаться параллельно же-

¹. Партархив Киргизского филиала ИМЛ, личное дело т. Жукеева—Пудовкина, л. 12.

лезнодорожному полотну. Как правило, остановки делали в полдень, когда невероятная жара изматывала не только людей, но и животных. Место для стоянок выбиралось около воды. Переждав знойное время, по сигналу хозяина уставшее стадо поднималось в путь. Если от Токмака до Ташкента взору Тавалды часто попадались отары овец и табуны лошадей, то от Ташкента ему больше встречались поля хлопчатника и садов, посаженные ровными рядами вокруг глинобитных домиков. На скудных участках земли копошились трудолюбивые хлопкоробы-узбеки. Через десятки, сотни километров менялась природа, но не менялась жизнь. Дехканин-труженик оставался на всем расстоянии от Иссык-Куля до Андижана рабом эксплуататора-феодала.

Длинная дорога вводила Тавалды в жизнь. Она открыла перед ним новый, неизведанный мир, и в то же время—мир еще более утонченной и жестокой эксплуатации.

Много дум и мыслей успело промелькнуть в голове любознательного Тавалды. Слегка покачиваясь на седле, покрытом старой, в местах протертой кошмой, он в мыслях видел себя то рабом, то совершенно свободным, как птица.

На рассвете одного из июльских дней они прибыли в Андижан. Старый город кишел купцами. Видевший виды токмакский купец быстро нашел покупателя и к вечеру следующего дня скот был продан. Вдоволь покутив по кабакам, хозяин отправился в обратный путь, оставив ненужного теперь Тавалды на произвол судьбы среди шумной толпы Андижана.

Долго слонялся Тавалды между повозок и рядов торгашей, ища какого-нибудь пристанища, но все поиски были напрасны. Через несколько дней, когда Тавалды проходил около ремесленных лавок и мастерских, на него обратил внимание один кузнец, у которого накануне ушел молотобоец. Оглядев плотно сбитую коренастую фигуру молодого киргиза, кузнец подозвал его к себе:

— Если ищешь работу, иди ко мне в помощники, сказал железных дел мастер, показывая рукой на кузницу.

Уговаривать не пришлось. Тавалды с радостной улыбкой проговорил:

— Конечно, хозяин, я буду стараться.

Первые дни работа не спорилась. Замешкавшись у наковальни или у станка дляковки лошадей, Тавалды забывал поддерживать нормальный огонь в горне, кувалда держалась в руках нетвердо и нет-нет ударяла не в то место, куда указывал молоток кузнеца. В такие моменты озлобленный кузнец выговаривал:

— Ну и дал бог работничка, при такой работе с тобой скоро по миру пойдешь.— Успокоившись, он замечал:

— Ты не торопись шибко, не задирай руки высоко, сгибай в локтях и тверже бей.

Постепенно выработалась сноровка, Тавалды с разворотом из-за плеча, изо всей силы направлял удар молота на кующийся предмет. Ему уже не представляло большого труда под стук кузнечного молотка, выбивавшего на наковальне «комаринскую», сваривать ободья колес, тянуть подковы и другие детали, требующие не только силы, но и сноровки.

Проработал Тавалды у кузнеца недолго. Поссорившись с ним из-за низкой платы, он перешел работать на строительство железной дороги. Но и здесь жизнь была не лучше. Больше приходилось трудиться на земляных работах с утра до вечера под палящими лучами солнца. Заработанных грошей хватало только на скудное питание.

В конце 1899 года, уволившись с дороги, Тавалды переехал в Ташкент.

Здесь с большими трудностями восемнадцатилетний Жукеев устроился учеником котельщика в Главные мастерские Среднеазиатской железной дороги¹. Совместный труд и постоянное общение с русскими рабочими, которые составляли основной контингент трудящихся дороги, помогли Тавалды многое увидеть с новых—классовых позиций. В мастерских он учился не только работать, но и жить, жить во имя будущего.

С расширением железнодорожных мастерских численно рос и рабочий класс Ташкента, который являлся неразрывной частью российского революционного пролетариата. К революционному движению рабочего класса

¹ Партархив Киргизского филиала ИМЛ, личное дело т. Жукеева—Пудовкина, л. 12.

России и непосредственно под его влиянием в начале 1900 года стало складываться революционное движение и в Туркестане. В этом огромную роль сыграли сосланные в Туркестанский край революционные социал-демократы. Под их руководством с 1902 года в Туркестане стали возникать подпольные социал-демократические кружки.

Первый социал-демократический кружок в Ташкенте организовал В. Д. Корнюшин, высланный в 1895 году из Казани. Почти в это же время были организованы марксистские кружки и в железнодорожных мастерских. Кружок в паровозном цехе назывался «Начало», в вагонном цехе—«Вперед». Активистами этих кружков были рабочие Литвишко, Глазунов, Хворов, Баталов и другие¹.

В 1902 году Жукеев Т. был переведен в подручные котельщика и отправлен в Кызыл-Арват. В Кызыл-Арвате Тавалды также работал в мастерских на железной дороге. В 1903 году в качестве младшего котельщика он был откомандирован в Красноводск². В это время рабочие железнодорожных мастерских Красноводска представляли из себя революционное ядро трудящихся города. Из Баку они получали листовки РСДРП, которые распространяли не только в городе, но и пересылали в другие места Туркестана.

Особенно усилилась пропаганда революционного марксизма в Красноводске, как и во всем Туркестанском крае, после II съезда РСДРП.

В 1903 году при железнодорожных мастерских Красноводска образовался социал-демократический кружок.

Революционная деятельность передовых рабочих мастерских благотворно влияла на развитие политического сознания Жукеева. Именно здесь, в Красноводске, он начал делать первые шаги в революционной работе. Желание самому научиться читать листовки и прокламации посадило его за книгу. С помощью грамотных товарищей он за год упорной работы научился читать, а затем и писать.

В конце 1904 года Тавалды Жукеев переименовал фами-

¹ История Узбекской ССР. Ташкент, 1956, т. 1, кн. 2, стр. 246.

² Парта́рхив Киргизского филиала ИМЛ, личное дело Т. Жукеева—Пудовкина, л. 12.

лию и имя на Пудовкина Александра Александровича. Что побудило его это сделать, пока не установлено. 8 января 1905 года он с разрешения начальника Закаспийской области был приписан к мещанам города под фамилией Пудовкина Александра Александровича¹. Получив паспорт, Тавалды вернулся в Ташкентские главные железнодорожные мастерские. С прибытием в Ташкент Жукеев—Пудовкин был зачислен котельщиком паровозного цеха. Через несколько дней после приезда, по рекомендации Андрея Хворова, одного из активных членов железнодорожной социал-демократической группы, Тавалды был принят в члены РСДРП².

В ГОДЫ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В январе—феврале 1905 года по России прокатилась волна стачек и политических демонстраций. Они были вызваны кровавой расправой царизма 9 января 1905 года над рабочими Петрограда. «Кровавое воскресенье» положило начало первой русской революции.

В. И. Ленин в «Докладе о революции 1905 года» указывал, что первая русская революция «была по своему социальному содержанию буржуазно-демократической, но по средствам борьбы была пролетарской»³.

Первые отклики на события 9 января произошли в Ташкенте 12 января 1905 года. Получив известие о кровавой расправе, Ташкентская группа РСДРП в тот же день, т. е. 10 января, выпустила листовку, в которой говорилось: «Теперь настала пора народу требовать себе настоящей свободы. Он не должен просить, а властно требовать! Мы видим, как царь отвечает на просьбы своих верноподданных. Кровь, пролитая 9 января на улицах Петербурга, требует отомщения».

Эта листовка была распространена не только среди рабочих Ташкента, но и в других городах Туркестана.

Вслед за рабочими Ташкента поднялись на борьбу

¹ ЦГИА Узбекской ССР, ф. 17, оп. I, д. 2645, л. 33.

² Воспоминания Н. К. Некрасова, записанные автором.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 231.

⁴ История Узбекской ССР, Ташкент, 1956, т. 1, кн. -2, стр. 251.

железнодорожники Кызыл-Арвата, объявившие 5—7 февраля забастовку, 17—18 прошла забастовка железнодорожников Перовска (ныне Кызыл-Орда). Пример организованности в борьбе показали рабочие железнодорожных мастерских Ташкента.

18 февраля 1905 года 700 человек Главных железнодорожных мастерских, в числе которых находился Тавалды, и 300 человек из временных мастерских Оренбурго-Ташкентской железной дороги объявили забастовку ввиду отказа администрации удовлетворить их требования о введении 8-часового рабочего дня, свободы собраний и стачек, свободы образования профсоюзов и других организаций¹.

По инициативе социал-демократической группы в мастерских был организован профессиональный союз и создана боевая дружина под руководством большевика Андрея Хворова и Василия Тихомилова². В состав дружины вошли члены группы РСДРП Е. Е. Климов, А. А. Жукеев—Пудовкин, Н. К. Некрасов³ и другие. Дружина выставила свои посты по цехам и повела борьбу с штрейкбрехерами, пытавшимися сорвать выступление рабочих.

Настроение в городе было тревожное, по улицам разъезжали усиленные казачьи разъезды, а на особо важных объектах города стояла военная охрана. 20 февраля железнодорожников поддержали рабочие казенных и частных типографий Ташкента. Они, как и рабочие железной дороги, потребовали 8-часового рабочего дня, увеличения заработной платы, свободы слова, собраний, стачек и демонстраций⁴.

21 февраля перед рабочими выступил начальник Среднеазиатской железной дороги генерал Ульянин, который вначале своей речи пытался уговорить железнодорожников приступить к работам. Видя, что рабочие твердо стоят на своих требованиях, он стал угрожать,

¹ Очерки истории Коммунистической партии Туркестана. Ташкент, 1958, стр. 38.

² Воспоминание Н. К. Некрасова.

³ Некрасов Николай Кириянович, 1884 года рождения, уроженец Ташкента, член РСДРП с 1905 года, член ВКП(б) с 1917 г. по 1934 год. Персональный пенсионер, проживает в селе Аламедий.

⁴ История Узбекской ССР, Ташкент, 1956, т. 1, кн. 2, стр. 251.

что закроет мастерские и всех уволит. Однако и угрозы не помогли. Рабочие еще теснее сплотили ряды и приняли решение стоять до конца.

В знак солидарности с ташкентцами объявили забастовку рабочие железнодорожных станций Чарджуя, Самарканда, Кызыл-Арвата и других. Начальство дороги, напуганное ростом революционного движения, вынуждено было пойти на уступки. С 22 февраля на Среднеазиатской и Оренбурго-Ташкентской дорогах был установлен 9-часовой рабочий день и повышена заработная плата для некоторой категории рабочих.

Однако мелкие уступки не удовлетворили рабочих. Стачечный комитет принял решение продолжать забастовку. Организованность выступления рабочих решила исход борьбы: администрация уступила. Тревожные вести, полученные от Туркестанского генерал-губернатора, о больших размерах революционного движения в крае сильно взволновали П. А. Столыпина. Для ознакомления с обстановкой и принятия мер против «темных сил», Столыпин направил в Ташкент своего генерал-адъютанта Максимовича. После месячного пребывания в Туркестанском крае в рапорте Столыпину Максимович вынужден был признать, что февральская забастовка железнодорожников, «во время которой рабочие выказали необычайную партийную дисциплину, продержалась несколько дней и, после удовлетворения большинства предъявленных требований, прекратилась»¹.

После февральской забастовки ташкентские социал-демократы порвали с эсерами и создали самостоятельную группу РСДРП. Группа выпустила ряд листовок, в которых призывала рабочих объединиться вокруг социал-демократии для решительной борьбы с царским правительством и установления демократической республики.

Под влиянием большевиков революционное движение продолжало расти, захватывая все новые и новые слои трудящихся. К осени 1905 года забастовки охватили всю страну. Ташкентская группа РСДРП призвала рабочих ко всеобщей забастовке. Первыми объявили забастовку рабочие Среднеазиатской и Оренбурго-Таш-

¹ ЦГИА СССР, ф. 102,00,1906,2 отд., д. 9, ч. 73, л. 26 об.

кентской железной дороги. В ночь с 13 на 14 октября в Ашхабаде был создан Центральный стачечный комитет Среднеазиатской железной дороги, который телеграфно призвал железнодорожные узлы к забастовке. Вскоре к железнодорожникам присоединились промышленные рабочие, учащиеся, ремесленники и некоторые мелкие торговцы. С самого начала забастовка приняла политический характер.

В период всеобщей забастовки Жукеев—Иудовкин выполнял самые разнообразные поручения. Как член группы РСДРП, он осуществлял связь группы со стачечным комитетом и рабочими пикетами, как член дружины—нес охрану в мастерских.

Царское правительство, напуганное подъемом революции, издало манифест 17 октября, в котором народу были обещаны свобода слова, собраний, союзов, а также обещало созвать Государственную думу с законодательными правами.

Но манифест 17 октября был обманом масс. Разъясняя его сущность, большевики призывали трудящихся к усилению борьбы вплоть до вооруженного восстания с целью свержения царского правительства. Они указывали, что манифест издан правительством для того, чтобы отвлечь массы от революционной борьбы, собрать силы и подавить революцию.

Дальнейший ход событий полностью подтвердил предвидение большевиков. 19 октября у здания Городской думы на демонстрантов были двинуты казаки, которые в конном строю набросились на безоружных рабочих. Солдаты открыли огонь. В результате 3 человека было убито и 26 ранено. 20 октября Ташкентская организация РСДРП организовала похороны товарищей. Похороны вылились в мощную демонстрацию протеста против произвола царских властей¹.

Октябрьская политическая стачка в Туркестанском крае, как и во всей стране, явилась серьезной школой политической борьбы, она выявила огромную энергию революционных масс.

В ноябре месяце вновь прошла забастовка рабочих

¹ А. В. Пясковский. Революция в Туркестане 1905—1907 гг., М., 1958, стр. 218—219.

железнодорожных мастерских Ташкента. С самого начала она приняла острые формы. На всех станциях Среднеазиатской железной дороги были созданы стачечные комитеты. К железнодорожникам в ряде мест примкнули промышленные рабочие, ремесленники и представители других слоев населения. Борьбой трудящихся в ноябрьском выступлении руководил Революционный комитет, созданный в Ташкенте.

Однако царские власти не дали возможности дальнейшему росту забастовочного движения, в ночь на 23 ноября они внезапным налетом арестовали почти всех членов Революционного комитета. Вслед за этим были произведены аресты активных членов Ташкентской организации РСДРП.

Жукеев—Пудовкин попал в поле зрения полиции. За ним был установлен полицейский негласный надзор.

Несмотря на репрессии и царский произвол, революционные выступления рабочих Ташкента еще неоднократно повторялись—в декабре 1905 и начале 1906 года.

Особенно упорной и продолжительной была стачка железнодорожников Ташкента в мае—июле 1906 года. Первое мая—день пролетарской солидарности рабочих всех стран—рабочие мастерских отметили массовой маевкой. В этот весенний день Главные мастерские были закрыты: рабочие праздновали свой международный праздник. В первых рядах шли большевики, увлекая за собой трудящиеся массы, тянувшиеся к свету.

На следующий день администрация объявила по мастерским, что за невыход на работу более восьмисот человек привлекаются к штрафу. Одновременно черные списки активистов маевки были переданы полиции. Решение администрации о штрафах вызвало широкое возмущение рабочих. Они потребовали у начальника мастерских инженера Шпаковского отменить свое решение. Однако он заявил, что нет причин, в которых бы усматривалась возможность удовлетворения требований рабочих. В момент его отказа один из рабочих набросил ему на голову мешок из-под угля. Тот, разъяренный и испуганный, боясь последующих событий, вынужден был спастись бегством¹. Начальство дороги попыталось ис-

¹ История Узбекской ССР. Ташкент, 1956, т. I, кн. 2, стр. 271.

пользовать этот факт против рабочих, потребовав выдать «виновника», в противном случае угрожало закрыть мастерские. В это же время произошло убийство полицмейстера города. Начались аресты и преследования. 9 мая 1906 года охранке удалось напасть на след нелегальной типографии, где печаталась социал-демократическая газета «Солдатский листок «Правда» и арестовать большевика Литвишко.

15 мая при возвращении с одной из нелегальных сходов был арестован и отправлен в тюрьму Жукеев—Пудовкин. Допросы надежд полиции не оправдали. Ни уговоры об откровенном признании с посулами последующей вольготной жизни, ни угрозы царским душителям не помогли. Пудовкин не признавал за собой «противоправительственной пропаганды» и участия в убийстве полицмейстера¹.

Между тем рабочее движение продолжало расти. О конфликте между рабочими мастерских и администрацией Среднеазиатской дороги был поставлен в известность министр путей сообщения. Начальник дороги собственной персоной прибыл из Ашхабада в Ташкент для разбора возникшего дела. По указанию министра путей сообщения 29 мая мастерские были закрыты, а рабочие—уволены. Однако рабочие мастерских решили «расчета не брать и по одиночке ни в какие переговоры с администрацией не вступать». Ташкентские железнодорожники в эти трудные минуты получили огромную поддержку. Трудящиеся Туркестана помогли им материально и морально. Рабочие выстояли. В конце июня администрация дороги вынуждена была уступить—открыть мастерские. Рабочие воспрянули духом, политическая активность их усилилась.

Не добившись признания от Жукеева—Пудовкина, полиция вынуждена была его освободить из тюрьмы с последующей высылкой как неблагонадежного в Закаспийский край.

¹ Партархив Киргизского филиала ИМЛ, личное дело Т. Жукеева — Пудовкина, л. 13.

В ТЮРЕМНЫХ КАЗЕМАТАХ

В сентябре 1907 года Жукеев—Пудовкин нелегально вернулся в Ташкент¹. Реакция свирепствовала. Для борьбы с революционно настроенными рабочими было создано на железных дорогах семь карательных поездов. Все рабочие районы полиция обставила своими агентами, поэтому Жукееву—Пудовкину приходилось почти ежедневно менять квартиру. Несмотря на все предосторожности, полиция выследила его и взяла под наблюдение. 7 октября, примерно около двух часов пополудни, Тавалды после соответствующей проверки, нет ли за ним «хвоста», зашел в пивную лавку, помещавшуюся на Варваринской улице в доме Федорова, где должен был встретиться с членом группы Петром Фадеевичем Ермолаевым², носившим партийную кличку «Егорыч».

Через несколько минут в лавку вошел Ермолаев, за ним ввалились в пивную несколько человек посетителей. Среди них проскочил и агент полиции К. А. Новиков.

Не подозревая за собой наблюдения, Пудовкин с Ермолаевым, усевшись за один из столиков, заказали пива и стали спокойно беседовать.

Петр Фадеевич интересовался делами Тавалды за прошедшую неделю, последний в свою очередь осведомился у него о друзьях по группе. Во время разговора Ермолаев передал Пудовкину пистолет системы «Смитт и Вессон» и задание связаться по обусловленному паролю с представителем социал-демократической группы мастерских Кызыл-Арвата, который должен был ожидать его на вокзале у ворот при выходе в город.

Согласно договоренности во время встречи с Пудовкинским кызыларватец будет иметь в левой руке дорожный мешок, перевязанный сыромятным ремнем.

Как ни старался Петр Фадеевич сделать передачу пистолета незаметной, наблюдательные глаза агента засекли ее. Не успели они еще отойти от кабачка, как об их встрече было доложено городовому 14 участка Герасиму Борисову. Тот, взяв с собой квартального караульщи-

¹ Партархив Киргизского филиала ИМЛ, личное дело Т. Жукеева—Пудовкина, л. 13.

² ЦГВИА СССР, ф. 9/л, оп. 5/65, д. 74, л. 76.

ка Талжи Камалбаева, со всех ног бросился в погоню за Тавалды и Ермолаевым¹.

При повороте с улицы Варваринской в сторону завода Пугасова Жукеев—Пудовкин, оглянувшись, заметил преследователей. По его сигналу Петр Фадеевич понял, что должен во что бы то ни стало задержать царских служителей, дав возможность Тавалды избежать ареста, так как арест ставил под угрозу срыва встречу с представителем кызыл-арватских социал-демократов.

Как бы замешкавшись, Ермолаев немного приотстал, а Тавалды с Варваринской быстрым шагом повернул на Маринскую улицу.

Подскочив к Петру Фадеевичу, полицейский приказал подоспевшему к ним на подмогу караульщику Имасу Устаходжаеву обыскать его, а сам, придерживая левой рукой пожны шашки, метровыми шагами бросился за Тавалды.

Выбежав на перекресток Маринской улицы, Борисов увидел, как в один из дворов Безымянного переулка метнулся серый пиджак. Хорошо зная расположение улиц города и многих домов данного участка, полицейский сразу определил, что Жукеев — Пудовкин забегал во двор Шкилиных.

Тем временем Тавалды, проскочив через двор, спрятался в незапертой кладовой мещанина М. Н. Свиридова, проживающего у Шкилиных на правах квартиранта.

Добежав до ворот дома, окинув взглядом двор, Борисов направился к кладовой. Тавалды выскочил из кладовой и, направив на преследователя револьвер, два раза спустил курок, но оба раза произошла осечка². Тогда Борисов бросился на Жукеева и, схватив его одной рукой за горло, а другой за револьвер, отвел дуло револьвера в сторону. В это мгновение раздался выстрел, не причинивший вреда Борисову. Городовой выхватил револьвер из рук Жукеева, нанес им несколько ударов по голове Тавалды. Несмотря на ранение, Жукеев—Пудовкин схватил Борисова и вместе с ним повалился на землю.

¹ ЦГВИА СССР, ф. 9/л., оп. 5/65, д. 74, л. 76.

² Там же, л. 77.

Во время этой борьбы Жукееву удалось дотянуться и выхватить из ножен шашку городского, клинком которой он нанес ему несколько ударов по голове и защищавшим ее рукам. Затем, вырвавшись из рук жандарма, Жукеев попытался скрыться за забором. Но жандарм схватил Тавалды за ноги. В ту же минуту подбежал караульщик Камалбаев, который ударил Тавалды ножом в бок. Обессиленный, истекающий кровью, Жукеев был задержан¹.

В акте ареста Жукеева указывалось, что при задержании у него был отобран револьвер системы «Смитт и Вессон», никелированный, 38 калибра, № 8608, пятизарядный. В барабане револьвера имелось 4 боевых патрона и одна стреляная гильза. На двух патронах имелись следы бойка ударника. Другого чего-либо у Жукеева обнаружено не было². После доставки Жукеева в военный госпиталь револьвер был разряжен дежурным офицером и передан властям. У койки Тавалды был поставлен усиленный караул.

Сильнейшие боли в области головы и живота Жукеев как будто не ощущал. Он никак не мог себе простить допущенной ошибки. Из-за слабой конспирации сорвана встреча, но, возможно, не только встреча, а даже и связь с социал-демократической группой Кызыл-Арвата. Разные мысли терзали Тавалды. Он в то время еще не мог знать о том, что группе РСДРП известен их провал и что ею приняты меры для предотвращения срыва встречи.

Между тем полиция продолжала свое дело. Неоднократно допрошенный Жукеев, назвавшийся Александром Александровичем Пудовкиным, свою принадлежность к РСДРП отрицал, а наличие револьвера объяснял необходимостью защиты от грабителей, которых, кстати сказать, в то время в Ташкенте было неисчислимое множество. Свою виновность в оказании вооруженного сопротивления представителю власти Тавалды признал³, однако при этом заявил, что нападение первый

¹ ЦГВИА СССР, ф. 400, Азиатская часть, д. 4, л. 146 об.; ф. 9/л, оп. 5/65, д. 74, л. 77. «Красная летопись Туркестана» № 1—2, Т., 1923 г., стр. 30.

² Там же.

³ ЦГВИА СССР, ф. 9/л, оп. 5/65, д. 74, л. 77.

сделал городской Борисов, а не он. Вслед за арестом Жукеева—Пудовкина был арестован ряд других членов РСДРП. В течение 1907—1908 годов социал-демократические организации Туркестана были почти полностью разгромлены. К арестованным социал-демократам царские власти в большинстве случаев старались подвести общесимперский указ, изданный по инициативе П. А. Столыпина 9 декабря 1906 года. По этому указу «крамольники» для быстрейшей расправы над ними предавались военно-полевым судам. Тюрьмы были переполнены. К концу 1907 года в Ташкентской тюрьме, куда был заключен Тавалды, вместо 200 по норме содержалось 500, из которых 340 было «политических» и только 160 человек, осужденных по уголовным и гражданским делам.

Несмотря на то, что состояние здоровья Тавалды во многом еще желало лучшего, 29 октября 1907 года, т. е. через месяц и два дня после ареста, он предстал перед Туркестанским Военно-окружным судом¹.

Открыл заседание военный судья генерал-майор Усаковский, который заявил, что дело о мещанине города Красноводска Александре Александровиче Пудовкине 26 лет передано Военно-окружному суду Туркестанским генерал-губернатором на основании 17 статьи приложения 1-го к статье 1-й устава о предупреждении и пресечении преступлений, а также 278 статьи XXII книги СВП издания 3-го².

Выслушав дело, суд «указом его Императорского величества» приговорил Жукеева — Пудовкина А. А. к смертной казни через повешение. Из зала заседания Тавалды в наручниках и кандалах был отведен в предсмертную камеру, а приговор Военно-окружного суда переправлен Туркестанскому генерал-губернатору на утверждение³.

Через несколько минут после вынесения приговора из камеры в камеру политических по беспроволочному телеграфу была передана печальная весть. Как сам Тавалды, так и его друзья другого исхода и не представля-

¹ ЦГИА Узбекской ССР, ф. 17, оп. 1, д. 2645, л. 2.

² Там же.

³ ЦГВИА СССР, ф. 9/л, оп. 5/65, д. 74, л. 79.

Судовая коллегия	Имя, фамилия, отчество подсудимого	Судовые должности	Подпись, должность судьи
Составление: <i>С. С. Сидоров</i> 28.08.1938	Имя: <i>Пудовкин</i> Фамилия: <i>А. А.</i> Отчество: <i>Иванович</i>	Дело № <i>100/100</i> Судовые должности: <i>председатель, секретарь</i>	Подпись: <i>[подпись]</i> Должность: <i>судья</i>
<p style="text-align: center;"><i>Судья</i></p>			

Фотокопия ведомости из приговора на А. А. Пудовкина

ли, однако ждали чего-то и надеялись, но вот состоялся суд и... 24 часа на размышление.

Друзья как могли принимали участие в судьбе борца за народное дело.

...Так незаметно пролетели сутки, но сколько за эти считанные часы прожито и пережито. Продуман и мысленно не раз окинут путь вперед к той заветной цели, борьба за которую привела в эти застенки. Кончились сутки, наступили вторые. И так с минуты на минуту в ожидании... Наконец глухо зазвенели ключи. Стукнула шеколда, и дверь с резким поскрипыванием отворилась.

— Прощай 33 камера, сколько ты проводила в последний путь, — с этими мыслями Тавалды покидал эти серые угнетающие стены.

В сопровождении двух конвойных Тавалды был препровожден во внутритюремный зал. Блуждающие мысли определились в единый поток. Как мираж, перед ним появился зал, в котором два дня тому назад ему был вынесен смертный приговор.

«Двум смертям в одном зале не бывать, — подумал Тавалды, — я должен жить, еще столько не сделано. Греки говорят: начало — половина дела. Моё начало не из легких, а будущая половина впереди».

За столом председателя все тот же Усаковский, пугающе хорохорившийся среди членов свиты Военно-ок-

ружного суда. Не спуская верноподданнического взгляда, рядом с ним сидит его секретарь Шебровский, который по мимике «вершителя судеб», как называли генерала, мог сделать все, что не только хотел, но и думал Усаковский.

Жукеев-Пудовкин, дойдя до отведенного места, остановился. Конвойные взяли винтовки к ноге. Зал безмолвствовал, так как в нем не было ни единой души, кроме карающих. Разгладив порыжевшие усы и не поднимаясь с кресла, Усаковский монотонно начал читать конфирмацию Туркестанского генерал-губернатора и командующего войсками Туркестанского округа генерала от инфантерии Гродского, в которой указывалось, что губернатор «заменил назначенную Пудовкину судом смертную казнь ссылкой в каторжные работы на пятнадцать лет, с законными последствиями этого наказания»¹.

После всех формальностей, ознакомления с конфирмацией Тавалды был препровожден в камеру № 41. В ней томилось несколько человек политических, осужденных за участие в восстании саперов, которое проходило в начале июля 1906 года в Троицких лагерях под Ташкентом².

Дружескими объятиями саперы встретили революционера Пудовкина. Из сообщений, которые получали путем перестукивания с соседями по камере, они узнали, что Тавалды приговорен к смертной казни. Увидев его живым и бодрым, они один за другим обнимали Тавалду, пожимая его сильную мозолистую руку.

Пудовкин был беспредельно рад встретиться с друзьями по борьбе, хотя лично никого не знал из сидящих в камере.

Постепенно была установлена связь с волей. Избегавшие ареста члены комитета РСДРП сообщали о положении в городе и крае, призывая социал-демократов, заключенных в тюрьмы, теснее сплачивать свои силы для новых битв и сражений с царским самодержавием.

В 1908 году по инициативе большевика Егора Егоровича Климова в тюрьме был создан объединенный

¹ ЦГИА Узбекской ССР, ф. 17, оп. 1, д. 2645, л. 3.

² Партархив Киргизского филиала ИМЛ, личное дело Т. Жукеева-Пудовкина, л. 17

комитет революционеров, в который, наряду с социал-демократами Боровером, Климовым, Пудовкиным и другими, вошли эсеры.

В частности, эсеровское крыло представлял один из лидеров Ташкентских социал-революционеров Якушев, числившийся в тюремных документах под именем Бориса Курского¹.

Необходимо отметить, что социал-демократы тюрьмы допустили большую ошибку, объединившись с эсерами. Несмотря на это, совместное выступление против изуверских порядков, царивших в Ташкентской тюрьме, имело и положительное значение.

В июле 1908 года социал-демократическое крыло Объединенного комитета революционеров Ташкентской тюрьмы приняло решение установить связь с социал-демократами, заключенными в другие тюрьмы городов Туркестана.

Осуществление этого мероприятия было возложено на Пудовкина, или Сашу, как его называли друзья. С этой целью Тавалды 8—10 июля написал прошение Военному губернатору Сыр-Дарьинской области с просьбой перевести его в Ошскую или Наманганскую тюрьму², зная заранее о том, что туда можно попасть только через Скобелевскую тюрьму, так как последняя являлась центральной в Ферганской долине и служила как бы распределителем между уездными тюрьмами.

12 июля, ознакомившись с прошением Пудовкина, временно исполняющий обязанности помощника губернатора М. Вирский написал отношение в Ферганское областное правление о возможности перевода Пудовкина в любую из просимых им тюрем.

16 июля Ферганское областное управление сообщило, что в связи с перегрузкой тюрем области, принять Пудовкина они не могут. 29 июля Тавалды получил отрицательный ответ на свое прошение³.

Не успокоившись, Пудовкин 5—6 августа 1908 года вторично написал прошение о переводе его в Ферган-

¹ Воспоминания Н. К. Некрасова.

² ЦГИА Узбекской ССР, ф. 17, оп. 1, д. 2645, л. 11.

³ Там же, л. 12.

скую тюрьму¹. Однако и на этот раз в переводе было отказано².

И снова потекла тюремная жизнь своим размеренным ходом. Перестукивание с соседями, споры по вечерам по отдельным вопросам революционной борьбы, изредка мелкие конфликты с администрацией. Все это в какой-то степени, хотя и немного, но заглушало тоску по воле. Между тем и воля превратилась в неволю. В Туркестане, как и по всей России, разгул реакции и контрреволюционная политика столыпинщины развернулась во всю ширь. «С целью надзора за состоянием и развитием... революционного и прогрессивного движения среди туземцев Туркестанского края» в Ташкенте и других городах была расширена сеть охранного отделения.

Получив сведения о том, что в Ташкентской тюрьме не прекращается революционная работа среди политзаключенных, охранка для выяснения руководящего ядра этой организации под видом «политического» втокнула в одну из общих камер своего агента³. Через несколько дней члены комитета революционеров тюрьмы с воли получили «ксиву» (так на тюремном жаргоне назывались письма, записки и другие письменные сообщения), в которой социал-демократы предупреждались о том, что к ним подослали агента охранки Мамеда Дадашева, отец которого имел отношение к нефтепромыслам и являлся верным слугой царского самодержавия.

На одном из совещаний, которое состоялось во дворе тюрьмы во время прогулки, комитет вынес решение уничтожить провокатора. Пудовкин обратился к членам комитета с просьбой поручить ему привести решение в исполнение. Комитет вначале отклонил кандидатуру Тавалды, однако после долгих споров его просьба была удовлетворена. В помощь Тавалды выделялись Хорошилов и Каракозов, которые должны были создать необходимую возможность для исполнения приговора комитета.

29 января 1909 года, выйдя в тюремный двор на прогулку, Хорошилов с Каракозовым уселись на крыльце

¹ ЦГИА Узбекской ССР, ф. 17, оп. 1, д. 2645, лл. 13—14.

² Там же, л. 15.

³ ЦГИА СССР, ф. 124, оп. 41, д. 947/1916, л. 4.

надворной постройке и пригласили к себе Мамеда Дадашева. Последний, ничего не подозревая, подошел к ним. В это время прохаживавшийся по двору Тавалды незаметно наблюдал за провокатором. Несмотря на 18-килограммовые кандалы, в которые был закован Жукеев — Пудовкин, он подобрал во дворе булыжник, скрытно от надзирателя Никифорова, который следил за прогулкой арестованных, подошел сзади и ударил Дадашева по голове. Дадашев, соскочив с крыльца, с криком «убили» бросился к надзирателю Никифорову. Не добежав до него, упал и потерял сознание¹.

Через пять минут вся администрация тюрьмы была поставлена на ноги. Прогулка заключенных была прекращена. Всех политических водворили в камеры. Тут же в тюрьму приехал прокурор областной палаты и следователь. В бессознательном состоянии Дадашев был доставлен в местный военный госпиталь.

Администрация тюрьмы поручила госпитальному врачу Боровскому принять все необходимые меры для приведения Дадашева в сознание.

Через несколько дней это ему удалось. Допрошенный помощником тюрьмы Добшинским, Дадашев заявил, что он не видел, кто нанес ему удары по голове, но думает, что это сделал арестант Пудовкин, видимо, заподозривший в нем полицейского агента, каковым он и являлся с 1908 года и состоял на связи у пристава 1-го полицейского участка города Ташкента Ковдышева.

После допроса Дадашев вновь потерял сознание и 12 февраля закончил свой провокаторский путь бесславной смертью.

В процессе следствия надзиратель Никифоров, верный слуга царского трона, подтвердил подозрение Дадашева, заявив, что он видел, как Пудовкин нанес два удара по голове Дадашева и тут же скрылся в коридоре тюрьмы.

Привлеченный в качестве обвиняемого в предумышленном убийстве полицейского агента Мамеда Дадашева, Александр Пудовкин не признал себя виновным. Несмотря на это, снова потянулись пытки и допросы.

¹ ЦГИА СССР, ф. 124, оп. 41, д. 947/1916, л. 3 об.

33 камера, как и прежде, заключила Тавалды в свои объятия.

Томительная одиночка длилась три месяца. 27 мая 1909 года Ташкентский окружной суд, рассмотрев дело Александра Александровича Пудовкина, приговорил его к тридцати годам каторжных работ. 17 июня 1909 года состоялось публичное судебное заседание Ташкентского окружного суда под председательством К. Е. Гороховского, члена суда Н. Д. Вознесенского, почетного мирового судьи А. В. Довеля, при товарище прокурора суда К. Н. Агееве и помощнике секретаря А. А. Паршине.

По «Указу его Императорского Величества» Ташкентский окружной суд на основании 1 ч. 1454 статьи Уложения о наказаниях и параграфа 2 статьи 437 устава о ссыльных, а также 766, 3 пункта 771 статьи приговорил Александра Александровича Пудовкина к тридцати годам каторжных работ, предварительно подвергнув его 45 дням строгого карцера. После отбытия срока каторги Пудовкину предписывалось находиться в ссылке без срока с содержанием в разряде испытуемых в течение пятнадцати лет¹.

Сорок пять дней строгого карцера не каждый организм мог выдержать, но воля к жизни, уверенность в правоте своего дела помогли и на этот раз выйти из одиночки бесстрашному Тавалды. Его тело насчитывало десяток шрамов и ран², которые заживали медленно и давали о себе знать при каждом неосторожном движении. Медицинская помощь оказывалась исключительно в редких случаях. Но как бы то ни было, Тавалды жил и верил в светлое будущее...

Получив сообщение о последнем приговоре, друзья Тавалды, находившиеся на воле, решили организовать его побег. С этой целью всевозможными путями и хитростью в камеру Тавалды были переданы напильники, с помощью которых он должен был избавиться от наручников и кандалов. Так как в камере почти ежеднев-

¹ ЦГИА СССР, ф. 124, оп. 41, д. 947/1916, л. 5; ф. 102, оп. 59—60, 1907, д. 1350, ч. 10, л. 800, 9.

² ЦГИА Узбек. ССР, ф. 17, оп. 1, д. 2645, л. 19—20.

1909 года 1 июля 1-го дня, в г. Ташкенте, в присутствии и Топариша Прокурора В. А. Еврановского и при исп. об. Секретари А. А. Паршинь приговору сей обвинительный искомъ съ соблюденныхъ требований ст. 429 - 434, 443, 453, 456, 462 - 467 Уст. Угол. Суд. Къ обвинению приговора наъ участвовавшихъ въ дѣлѣ лица: явился подсудимый ПУДОВКИНЪ, просилъ подсудимый Пудовкинъ, и о явленіи вопіи приговора

Членъ Суда Гороховскій.

ПРИГОВОРЪ

1909 года 1 июля 17-го дня.

По Указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Ташкентскій Окружный Судъ, въ публичномъ судебномъ засѣданіи, въ городѣ Т А Ш К Е Н Т Е въ слѣдующемъ составѣ:

Председательствующій Н. Е. ГОРОХОВСКІЙ.

Членъ Суда: Н. А. ВОЗНЕСЕНСКІЙ и Почетный Маршала Судья А. В. ДИВЬЕЛЬ.

При Топаришъ Прокурора Судья Н. Е. АГБЕВЪ.

и Топаришъ Секретари А. А. ПАРШИНЪ.

Слушавъ настоящее дѣло, обстоятельства коего заключаются въ слѣдующемъ обвинительномъ актѣ, составленномъ Прокурорскимъ надзоромъ Ташкентскаго Окружнаго Суда, подсудимый обвиняемъ въ томъ, что онъ, Александръ Александровичъ Пудовкинъ, 27 лѣтъ, обвѣщается въ томъ, что дѣло Бизара 1908 года, обвѣщается подлѣ стражи въ Ташкентской тюрьмѣ въ качествѣ опредѣленного въ каторжные работы и обвѣщаемого ороде.

Первая страница приговора на Т. Жукеева —
А. А. Пудовкина

но проводились «осмотры», Тавалды вынужден был всей своей находчивостью охранять пересланный инструмент, маскируя его на голом почти месте.

Лишая себя части черного куска хлеба, Тавалды прилепливал напильники незаметно под досками нар. Хорошо изучив повадки надзирателей и администрации тюрьмы, Тавалды словно по графику вытаскивал из тайника напильники и, несмотря на все неудобства в наручниках, настойчиво углублял распиловку соединительных гаек кандалов. Наконец кандалы были подпилены¹, встал вопрос о выходе с территории тюрьмы, побег из которой без помощи надзирателей был невозможен. Однако, после соответствующей проверки, надзирателя, которому можно было бы доверить организацию побега, не оказалось. Поэтому с воли передали Тавалды, чтобы он представился тяжело больным, которому необходимо лазаретное лечение.

В связи с тем, что некоторые раны плохо заживали и постоянно гноились, Жукесв — Пудовкин решил им придать еще более обостренный вид. Несмотря на то, что это было ущербом его здоровью, он ввел в раны солевой раствор. Свобода была так заманчива, что не было возможности остановиться даже перед таким средством. После ввода соли раны воспалились, появилась опухоль. Тюремный врач, осмотрев «больного», предписал необходимость срочного госпитального лечения, так как малейшее промедление могло привести к заражению крови.

В конце августа 1909 года Пудовкин в сопровождении конвоя был доставлен в Ташкентский военный госпиталь. После темных и удручающих лабиринтов тюрьмы палата госпиталя, в которую положили Тавалды, была просто раем. Сносное питание, санитарно-гигиенические условия, а также кое-какая медицинская помощь во многом восстановили силы Пудовкина. Наручники были сняты, но кандалы по-прежнему позвякивали на ногах. Тавалды тщательно изучал окружающую обстановку, ближе знакомился с надзирателями, выбирая момент для побега.

Такая возможность представилась ему 5 сентября

¹ ЦГИА Узбекской ССР, ф. 17, оп. 1, д. 2041, л. 3-а.

1909 года. В шесть тридцать вечера Тавалды предложил соседу по койке Антону Яковенко сходить в уборную, которая находилась во дворе госпиталя. В сопровождении «эскорта» конвойных они вышли во двор. Тавалды с Антоном зашли в уборную, надзиратели остались наружи. Не затягивая времени, Тавалды плечом отвалил заднюю саманную стенку, сорвал надпиленные кандалы и бросился бежать¹.

Увидев убегающего Пудовкина, надзиратель Разумный заскочил в уборную и схватил за руки Яковенко. Конвойные Шиховцев и Олейников открыли стрельбу по Пудовкину. Пять пуль просвистели мимо Тавалды, но ни одна из них не задела его. Пробежав метров триста к стене двора, Тавалды бросил кандалы в кусты. На выстрелы конвойных из здания госпиталя выскочили служащие. Добежав до двухметровой стены, Тавалды не смог преодолеть ее и был задержан конвойным Шиховцевым и подбежавшими госпитальными служащими.

Вновь наручники и кандалы сковали движения Тавалды, но они не могли сковать кипучую энергию неутомимого борца.

Под усиленной охраной Пудовкин был доставлен в госпиталь и изолирован в отдельной палате. Из раны на левой руке, которую он получил при прыжке на стену, сочилась кровь. По приказу дежурного по госпиталю штабс-капитана первого Ташкентского резервного батальона Борисова конвойные, в присутствии смотрителя, произвели тщательный обыск и осмотр всего помещения с целью обнаружения предметов с помощью которых были перепилены кандалы. Однако поиски никаких результатов не дали. Чтобы не затруднять ревнивых служителей, Тавалды объяснил им, что кандалы были подпилены в тюрьме и что к этому делу никто из служащих госпиталя не имеет никакого отношения.

С сентября месяца 1909 года по апрель 1910 года Тавалды сменил несколько камер и надзирателей. 31 марта 1910 года Сыр-Дарьинское областное правление

¹ ЦГИА Узбекской ССР, ф. 17, оп. 1, д. 1041, л. 3-а.

вынесло решение отправить Пудовкина вместе с группой каторжан в Саратовскую тюрьму¹.

В середине апреля закованный в кандалы Тавалды этапом был отправлен в Саратов. Саратовская тюрьма, в которую он прибыл 27 сентября 1910 года, стала еще одной школой революционера. В ней содержалось много кадровых революционеров-большевиков, которые словом, выдержкой и верой в победу партии и пролетариата воспитывали новое звено революционных кадров.

По жестокости условий содержания политзаключенных Саратовская тюрьма превосходила многие другие тюрьмы царской России. Невыносимые условия режима вынудили политических объявить голодовку. В числе 17 заключенных, принимавших участие в голодовке², Тавалды по распоряжению Главного тюремного управления 20 августа 1913 года был отправлен в Варшавскую тюрьму³, а оттуда через некоторое время его перевели в первую Нижегородскую тюрьму⁴.

В то время, когда Жукеев — Пудовкин томился в переполненных камерах тюрьмы, на западе России разгорелось пламя первой мировой войны. Несмотря на строгость тюремного режима и неразговорчивость надзирательского состава, заключенные почти постоянно были в курсе внутренних событий и хода военных действий на фронтах.

Война вскрыла всю гнилость существовавшего строя. После непродолжительных успехов царские войска стали терпеть одно поражение за другим. Уже в первые месяцы войны армия оказалась раздетой и разутой. Не хватало вооружения и боеприпасов. Среди голодных и завшивевших солдат появились инфекционные заболевания, которые распространились по частям и отдельным воинским соединениям.

Предательство было на каждом шагу. На глазах человечества гибли тысячи, сотни тысяч безвинных

¹ ЦГИА Узбекской ССР, ф. 17, оп. 1, д. 2645, л. 23; Саратовский облгосархив, ф. 446, д. 67, л. 314.

² Партархив Киргизского филиала ИМЛ, дело т. Жукеева — Пудовкина, л. 13.

³ ЦГИА Узбекской ССР, ф. 17, оп. 1, д. 2645, л. 33; Саратовский облгосархив, ф. 446, д. 110, л. 156 об.

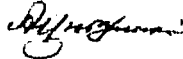
⁴ ЦГИА СССР, ф. 124, оп. 41, д. 947, 1916, л. 6.

ВСЕПОДАВНИЙШЕ прошение написано и
подано в контору Нижегородской № 1 губернской тюрь-
мы 14 августа 1916 года.

Справка: осмелево-наторный арестантъ Пудовкинъ Алек-
сандръ Александровъ 27 лѣтъ отъ роду, происходитъ изъ
иждивъ гор. Красноводна, Закарпатской области. Осужденъ
приговоромъ Ташкентскаго Окружнаго Суда, отъ 17 июля
1909 года, по обвиненію по I ч. 1454 ст. Ул. о Нак. и 92 ст.
437 Уст. о Семьях. въ которыхъ работѣ на 30 лѣтъ, счи-
тая срокъ наказанія съ 29 Октября 1907 года по 29 Ок-
тября 1937 года. Дисциплинарнымъ замѣчаніемъ не подвер-
гался. За время содержанія въ тюрьмѣ поведенія былъ хо-
рошаго.

И. Д. Начальника Нижегородской № 1 губернской тюрьмы

Штабсъ капитанъ

Справка Нижегородской губернской тюрьмы на
Т. Жукеева — А. А. Пудовкина

жертв. Разруха достигла невероятных размеров. Ввиду
отсутствия сырья один за другим стали закрываться
заводы. Положение рабочего класса и крестьянства
стало невыносимым. В стране усилилось революционное
движение. Большевики призывали к активному выступ-
лению против царского самодержавия, превращению
войны империалистической в войну гражданскую. Пар-
тия направляла своих лучших сынов на фронт для ре-
волюционной работы среди солдат.

Горя желаніем любыми средствами вырваться из
стен тюрьмы, 16 августа 1916 года Жукеев — Пудовкин

на имя «Всепресветлейшего, державнейшего великого государя императора Николая Александровича, самодержца Всероссийского, государя всемилостивейшего» написал прошение, в котором просил «Императорское Величество» удостоить его вниманием и разрешить «времененно быть принятым в ряды действующей армии...»¹

19 декабря 1916 года прошение Тавалды было доложено заместителю министра юстиции. Ознакомившись с ним, заместитель министра приказал «ходатайство Александра Пудовкина оставить без последствий». 5 января 1917 года Жукеев — Пудовкин получил официальный отказ на свое прошение².

ОТ ФЕВРАЛЯ К ОКТЯБРЮ

Шел одиннадцатый год заточения. Ташкент—Саратов—Варшава—Нижний Новгород — таков был путь Тавалды по тюрьмам России. На черных, как смоль, волосах заблестели серебристые нити. От тяжелой ноши в фигуре Жукеева — Пудовкина появилась небольшая сутуловатость, но она делала его как будто еще устойчивее и крепче.

В часы нахлынувших воспоминаний о родном Исык-Куле, горах Тянь-Шаня, вершины которых белой стрелой далеко уходят в небо, о солнце, ласкающем круглый год, Тавалды с глубоким чувством тоски пел друзьям о своем чудесном крае. Но больше всего он думал о свободе, о тех днях, когда вместе с товарищами по борьбе шел в едином рабочем строю Главных мастерских Ташкентской железной дороги.

Двадцать лет каторги и пожизненная ссылка была впереди у Тавалды. Хватит ли здоровья выдержать это испытание — неизвестно. Однако с судьбой России решалась и его судьба.

Доведенный эксплуатацией до пределов терпения, рабочий класс поднялся на борьбу. 24 февраля 1917 года в Петрограде началась всеобщая политическая

¹ ЦГИА СССР, ф. 124, оп. 41, д. 947, 1916, л. 2 об.

² Там же, л. 7.

стачка рабочих с требованием: «Долой самодержавие!». 27 февраля забастовка переросла в вооруженное восстание. Рабочий класс под руководством Коммунистической партии во главе с В. И. Лениным совершил вторую революцию в России. Царь был свергнут. Февральская буржуазно-демократическая революция победила.

Получив радостную весть о свержении царя, трудящиеся Нижнего Новгорода с революционными песнями и красными знаменами направились к губернской тюрьме. Под громкие возгласы «Ура!» рабочие и солдаты встречали заключенных революционеров, которые с радостными улыбками на лице бросались в объятия своих братьев. В числе освобожденных узников был и сын киргизского народа Жукеев Тавалды—Пудовкин Александрович¹.

На следующий день после освобождения, по совету друзей, Тавалды выехал в Подмоскowie, в с. Заатишье Богородского уезда, где поступил работать на завод «Электросталь».

В начале марта 1917 года на заводе был образован Совет рабочих депутатов. Рабочие единодушно избрали Жукеева — Пудовкина членом исполкома Совета. С первых же дней возникновения Совета рабочих депутатов им руководили большевики и сочувствующие им. Аналогичное положение было и в других Советах Богородского уезда. Общее руководство деятельностью большевиков уезда осуществлял Московский окружной комитет РСДРП(б).

Вместе с членами исполкома Тавалды боролся за сокращение рабочего дня, увеличение заработной платы, улучшение условий труда и быта. 21 марта 1917 года Совет принял решение о введении восьмичасового рабочего дня. Предприниматели отказались выполнить это постановление. Исполком призвал рабочих установить восьмичасовой рабочий день явочным порядком. Несмотря на ряд принятых мер по улучшению жизни рабочих, положение продолжало оставаться катастрофическим. Голод и разруха чувствовались на каждом

¹ Партархив Киргизского филиала ИМЛ, личное дело Т. Жукеева — Пудовкина, л. 13.

шагу. Одиночки, вроде Жукеева — Пудовкина, жили в переполненных казармах с двойными нарами. Рабочие и их семьи владели нищенское существование. На заводе все еще действовал закон штрафов, которые сокращали и без того мизерную зарплату. Не получили трудящиеся и политических прав, хотя Временное правительство во весь голос трубило о демократии, свободе и равноправии.

Не разобравшись окончательно в сложившейся обстановке после Февральской буржуазно-демократической революции, большевики Москвы и Подмосковья в тактике развития революции и об отношении к Временному правительству допускали просчеты и ошибки. В частности, Московский окружной комитет РСДРП(б) даже выступал за поддержку буржуазного Временного правительства.

Орган МК РСДРП(б) «Социал-демократ» от 12 марта в передовой статье «Наши программы» писал:

«Не считая Временное правительство выразителем интересов демократии, наша газета будет все же поддерживать его, поскольку оно честно исполнит принятые на себя обязательства».

Поворотным пунктом в развитии всей революционной тактики большевиков стали знаменитые Апрельские тезисы В. И. Ленина. Они дали партии новую ориентировку и конкретные задачи. Апрельские тезисы наметили курс на перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую.

«Своеобразие текущего момента в России,— указывал в тезисах В. И. Ленин,— состоит в переходе от первого этапа революции, давшего власть в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата,— *ко второму* ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства»¹.

Одновременно с этим В. И. Ленин отмечал, что в данной обстановке нельзя ставить вопрос о немедленном свержении Временного правительства, так как народные массы еще верят его обещаниям. Поэтому необходимо призывать трудящихся не оказывать никакой

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 24, стр. 4.

поддержки Временному правительству, разъяснять массам полную ложность его обещаний и вести борьбу за Советы. «Вся власть Советам!» — таков лозунг партии. Экономическая программа тезисов и требование прекращения войны отражали чаяния всего трудового народа.

Рабочие завода «Электросталь» и Глуховской мануфактуры Богородска, как и все трудящиеся страны, встретили весть о возвращении В. И. Ленина из эмиграции в Петроград и его Апрельские тезисы с огромной радостью. В Москве и в губернии сошлись многочисленные митинги.

Борьба трудящихся за свои права приняла широкие размеры. Рабочие завода «Электросталь» провели ряд забастовок с требованием отмены штрафов, улучшения медицинского обслуживания и условий быта. Жукеев-Пудовкин шел в первых рядах борцов-электростальцев.

К середине 1917 года трудящиеся массы Богородска уже в полной степени разобрались в антинародной политике Временного правительства. 13 июня широкое собрание рабочих вынесло решение, в котором говорилось:

«Коалиционное правительство заслонило контрреволюционную буржуазию от народа социалистическими элементами... (то есть, эсерами и меньшевиками. — В. С.). Наступательная политика на фронте... растущая разруха, вызванная анархическим хозяйничаньем капиталистов, продолжающих наживать неслыханные трибблн, ярко обрисовывают критический момент русской революции. Констатируя полный крах политики соглашения с буржуазией, считаем единственным выходом: переход всей власти в руки Всероссийского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов».

Волна демонстраций недоверия Временному правительству прокатилась 26 июня 1917 года в Москве и Московской губернии. В этот день была объявлена стачка металлистов в ответ на саботаж предпринимателей, закрывших 108 заводов губернии. Жукеев -- Пудовкин с членами исполкома требовал на заводском митинге передачи всей власти Советам, немедленного мира, рабочего контроля над производством и распределением.

После разгрома Корниловского мятежа большевики с трибуны VI съезда РСДРП(б) призвали трудящихся к подготовке вооруженного восстания. На заводах и фабриках стали формироваться рабочие дружины и отряды Красной Гвардии.

25 октября 1917 года залп «Авроры» возвестил миру о победе Великой Октябрьской революции в Петрограде. В тот же день в Москве был создан Партийный боевой комитет по руководству восстанием.

26 октября Совет рабочих депутатов завода «Электросталь» получил телефонограмму Московского губернского Совета о победе революции в Петрограде. Одновременно с этим от Богородского уездного Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов прибыл представитель, который сообщил, что Богородский Совет взял власть в свои руки.

Жукееву — Пудовкину в составе заводской дружины по решению Совета рабочих депутатов было предложено обезоружить местные органы Временного правительства и взять под контроль почтово-телеграфную контору, склады и питейные заведения. 27 октября 1917 года рабочие завода «Электросталь» вынесли решение о передаче власти Совету рабочих депутатов. Взяв власть, трудящиеся «Электростали» приступили к ее упрочению.

В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Контрреволюция, разбитая в открытом бою, заключив сговор с империалистическими державами, начала скрытно готовиться к свержению Советской власти. То в одном, то в другом месте страны стали возникать кулацко-эсеровские мятежи. Для борьбы с контрреволюцией были брошены все силы.

В начале марта 1918 года в Богородске состоялось расширенное заседание Совета рабочих и солдатских депутатов, представителей районных Советов уезда, профессиональных союзов, социалистических партий и фабрично-заводских комитетов.

После всестороннего обсуждения внутреннего и

международного положения Совет принял решение «немедленно организовать отдел по формированию отрядов Красной Гвардии и Красной Армии»¹.

Согласно этому решению на заводе «Электросталь», где работал Жукеев — Пудовкин, была создана партийно-добровольческая дружина. С этой дружиной он в конце марта 1918 года выехал в Саратов на подавление кулацких выступлений в Поволжье.

25 мая 1918 года начался мятеж чехословацкого корпуса, подготовленный империалистами Антанты. Опираясь на контрреволюционные выступления кулачества и белогвардейцев, белочехи в короткий срок захватили большую часть Поволжья, Урала и Сибири. Открытая военная интервенция и обострение в связи с этим гражданской войны создали чрезвычайно опасное положение для Советской России.

Коммунистическая партия и Советское правительство обратились к трудящимся с воззванием, в котором подчеркивалась опасность, грозящая республике, и призывали все лучшие силы рабочего класса и крестьянства выступить на борьбу с контрреволюцией.

Восточный фронт летом 1918 года стал главным фронтом страны. На нем решалась судьба социалистической революции. В письме к К. Цеткин В. И. Ленин в июле 1918 года писал: «Мы теперь переживаем здесь, может быть, самые трудные недели революции...»². Центральный Комитет Коммунистической партии в качестве первоочередной задачи по укреплению Восточного фронта решил провести массовую мобилизацию коммунистов, укрепить армию партийными работниками, усилить политическое и военное воспитание бойцов.

В постановлении ЦК о Восточном фронте указывалось: «Во всех без исключения войсковых частях на фронте и в тылу должны быть созданы твердые партийные ячейки, с включением в них известного числа старых испытанных работников партии»³.

Партийные организации на местах горячо откликнулись на призыв Центрального Комитета. За три с половиной месяца в действующую армию было направлено

¹ «Правда» № 50 от 16 марта 1918 года.

² В. И. Ленин. Соч., т. 35, стр. 282.

³ История гражданской войны в СССР. М, 1957, т. 3, стр. 229.

около 5 тысяч коммунистов, большая часть которых ушла на Восточный фронт.

Жукеев — Пудовкин из добровольческой дружины был откомандирован в распоряжение штаба 4 армии, которая создавалась в районе Саратова. После семидневных боев Тавалды был отозван с фронта и назначен военно-политическим сотрудником политотдела 4 армии. Небольшая передышка и снова в бой¹.

В августе 1918 года, во время тяжелых боев на Восточном фронте, в Поволжье и на Урале разгорелись кулацкие мятежи.

Для выкорчевывания контрреволюционных элементов партии нужны были стойкие и беспримысленно преданные делу пролетарской революции большевики. По рекомендации политотдела штаба 4 армии Жукеев — Пудовкин был утвержден сотрудником секретно-политической части Чрезвычайной Комиссии по Уральской области. В течение года Тавалды вел непримиримую борьбу против врагов Советской власти на юге Урала².

Начало 1919 года знаменовало собой успешное наступление красноармейских частей Восточного фронта. 4 армия Уральского направления за короткий промежуток освободила от белогвардейцев значительную часть территории области. 11 июля 1919 года советские войска освободили от белоказачьей блокады Уральск. 14 июля был освобожден Екатеринбург (Свердловск).

В то время, когда войска 4 армии успешно громили белогвардейские части Колчака на Уральском фронте, тяжелое положение для республики Советов сложилось на Южном фронте. В районе между Камышным и Воронежом шли ожесточенные бои с переменным успехом.

Для обсуждения обстановки и укрепления Южного фронта 12 июля 1919 года в Москве собралась общегородская конференция РКП(б).

Перед участниками конференции выступил В. И. Ленин. В своем выступлении Владимир Ильич обрисовал внутреннее и внешнее положение страны и указал, что

¹ Партархив Киргизского филиала ИМЛ, личное дело Жукеева Пудовкина, л. 14.

² Там же.

Советская республика имеет все возможности преодолеть неисчислимыя трудности и отстоять завоевания Октября.

«... Учитывая все пережитое, весь опыт этого года, мы с уверенностью говорим,— подчеркнул Владимир Ильич,— что трудности преодолеем, что этот июль — последний тяжелый июль, а следующий июль мы встретим победой международной Советской республики,— и эта победа будет полная и неотъемлемая»¹.

Конференция приняла решение сделать все необходимое, чтобы выполнить задачи, стоящие перед страной как на фронте, так и в тылу. Одновременно с этим, придавая большое значение серьезности обстановки, сложившейся на Южном фронте, Политбюро и Оргбюро ЦК РКП(б) вынесли решение направить на фронт лучших партийных и советских работников.

На основании этого постановления через Политуправление Реввоенсовета республики в июле-августе 1919 года было направлено на фронт 869 политработников. В числе этих лиц был и наш земляк Жукеев — Пудовкин. 14 августа 1919 года он был отозван из Чрезвычайной Комиссии Уральской области и направлен политическим комиссаром в 197 стрелковый мусульманский полк 22 стрелковой дивизии 9 армии, которая в это время находилась на Южном фронте в районе города Балашова.

Прибыл в полк Жукеев — Пудовкин 24 августа 1919 года вместе с новым помощником командира полка членом Федерации иностранных коммунистов Андреем Бауэром².

Командир полка А. Степанов в тот же день ознакомил своих заместителей с подразделениями части и обстановкой на фронте.

Подразделения полка были укомплектованы не полностью. После недавних ожесточенных боев под Уральском в некоторых батальонах осталось не более ста человек. Не хватало вооружения и боеприпасов. Для более подробного ознакомления с историей полка Пудовкин просмотрел материалы штаба. Из них ему стало из-

¹ В. И. Ленин. Соч, т. 29, стр. 455.

² ЦГАСА, ф. 3487, оп. 1, д. 75, л. 213.

вестно, что полк начал формироваться в июле 1918 года в районе г. Уральска, где в то время Жукеев — Пудовкин вел борьбу с уральскими белоказаками. Основой для формирования полка стали Алтатанский, Осино-Гайский и Верховозовский отряды красных партизан. Полк состоял из трех батальонов, одной пулькоманды, кавсотни, хозчасти, трехдюймовой батареи, 4-срудийного состава и команды связи. Структура 1 мусульманского полка, позже переименованного в 1917 мусульманский полк, осталась неизменной и к прибытию Пудовкина в полк. Численность полка к концу формирования была доведена с 500 до 1600 человек. Первый бой бойцы полка провели под хутором Красная речка. Особенно отличился полк в боях за хутора Логашкино и Постбав, отразив наступление 9 полков белоказаков.

В дальнейшем по р. Уралу полк продвигался к г. Гурьеву. Затем вместе с 25 стрелковой дивизией В. И. Чапаева принимал участие в освобождении от белоказаков г. Уральска. В конце июля 1919 года полк был переброшен на Южный фронт.

В общих чертах узнавшему историю полка, военному было необходимо ближе познакомиться с бойцами, командирами и партийным активом политотдела. Но первый же день пребывания в полку показал, что осуществить это не так просто, как думал Пудовкин, направляясь в часть.

Серьезное положение на фронте требовало энергичных мер по борьбе с врагом. К тому же в полк начало поступать пополнение, не видевшее боев. Оставив планы личного знакомства с «обстрелянными» бойцами, он в основном все внимание сосредоточил на новичках. Ведя оборонительные бои по берегу р. Хопра, Пудовкин узнавал бойцов и воспитывал их в практических действиях. Часовой бой открывал перед ним больше, чем недельная стоянка на отдыхе.

Политические сотрудники политотдела полка А. Усманов и И. Аникин, побывавшие в жестоких боях, вначале с оглядкой посматривали на деятельность комиссара. Зная о том, что Пудовкин прибыл из штаба, они думали, что он дальше митингов и собраний не пойдет. Но вскоре увидели, что перед ними стойкий большевик-ленинец, с железной волей, большим самообладанием и

неугасимой энергией. Он не только вел задушевные беседы с бойцами, но и водил их в бой.

Требовательный к себе, он не терпел вольностей и со стороны подчиненных. Чуткость и забота о человеке лежали в основе всей его боевой работы. Проникнувшись уважением к комиссару, Усманов и Аникин стали не только его помощниками, но и друзьями.

За двухнедельное пребывание на Южном фронте 197 полк прошел десятки хуторов и станиц. Стараясь избежать полного разгрома, отряды белоказаков, действовавшие против мусульманского полка, отошли в дальние от р. Хопра хутора.

В целях активизации наступательных действий 12 сентября 1919 года командир полка А. Степанов и военполитком А. Пудовкин издали приказ, в котором указывалось: «Командирам 1-го, 2-го и 3-го батальонов, батареи, начальникам команд и начальнику связи:

Согласно словесного сообщения комбрига 3 противник уклоняется от боя. Занимаемая полком позиция является второстепенной, а поэтому во исполнение приказа комбрига 3 приказываем: 2 и 3 батальонам, батарее, начальникам пулеметной, связи, конной разведке и комендантской команде немедленно приготовиться к выступлению. Патронному обозу, полковому околотку, штабу полка и 1 батальону при трех пулеметах двумя ротами немедленно занять хутор Тишанский, сменив 2 батальон 196 стрелкового полка. Одной ротой продолжать занимать хутор Маховой. Хозяйственной части и хозяйственной команде оставаться на месте до особого распоряжения.

По особому распоряжению через ординарца вывести батальоны, батарею и команды на юго-западную окраину хутора Малый-Орешкин на столбовую дорогу в сторону Сидоры.

По прибытию на указанный сборный пункт немедленно донести. Движение на Сидоры батальонов, батареи и команд должно быть в следующем порядке: во главе 2-ой батальон, батарея, одна рота 3-го батальона, обозы, команды. 2 рота 3-го батальона в прикрытии как арьергард»¹.

¹ ЦГАСА, ф. 3487, оп. 1, д. 6, лл. 1—3.

На основании этого приказа полк совместно с конным корпусом С. М. Буденного, 1-ой и 4 армиями был направлен на ликвидацию мятежа Миронова.

«Миронову, бывшему казачьему полковнику, перешедшему с первых дней революции на сторону Советской власти, во время борьбы с Деникиным было поручено сформировать в районе Саранска Пензенской губернии конный корпус. Но под влиянием успехов Деникина и усилившихся колебаний среди донских и кубанских казаков, которых немало было в созданном корпусе, Миронов поднял мятеж против Советской власти. Сняв формировавшиеся части, он двинул их по направлению к фронту»¹.

Перед выступлением 197 полка из хутора Малый Орешкин на левый берег р. Медведицы в хутор Глижицы была направлена конная разведка. Получив сообщение разведчиков о том, что Миронов с остатками разбитой Буденным части движется к хуторам Попову и Солонному, полк вышел навстречу мироновцам в х. Тишенск. Не доходя до Тишенска, Миронов с отрядом в 600 человек изменил маршрут и попал в окружение 4 дивизии.

Конный корпус С. М. Буденного после подавления мироновского мятежа из ст. Арчеденской был направлен в район г. Новохоперска против Мамонтова, а на его место был введен 197 мусульманский полк Пудовкина в составе 22-ой дивизии.

20 сентября полк перебазировался в х. Седов, затем в Самохоткин, где ему был придан 1-й гаубичный дивизион.

Вместе с дивизионом полк освободил от белоказаков хутора Остроуховский, Девкин и Андрианов. 24 сентября на основании приказа по 22 дивизии 197 мусульманский полк через хутор Маловой подошел к х. Салонцовскому и занял оборонительный рубеж. На следующий день от командира 2 батальона поступило донесение о том, что с юго-западной стороны хутора противник с силой в 300 сабель, рассыпавшись в цепь, приближается к занимаемым позициям. По указанию командования на помощь 2 батальону был выслан 3 батальон М. Пименова с ар-

¹ История гражданской войны в СССР, т. 4, стр. 225.

силлерней. Подпустив белогвардейцев на 600—700 метров, прямой наводкой по ним открыла огонь батарея. Противник, не вступая в бой, отступил. Через некоторое время вновь повторилась атака, но и она была отбита.

26 сентября командир 198 стрелкового полка сообщил, что на стыке с 197 полком ведут наступление белогвардейцы в составе полка кавалерии и полка пехоты. Учитывая невыгодность позиций для боя с превосходящим в силах противником, комдив дал указание, сдерживая наступление белоказаков, отойти к хуторам Гаврилину и Бязному. Отбивая атаки, 196, 197 и 198 полки отошли на выгодный рубеж, чтобы растянуть силы врага, а затем нанести ему удар.

197 полк расположился на высотах от хутора Махового до Гаврилина, образовав сплошную цепь: вправо от него — 196 полк и влево — 198.

Степанов вызвал к себе Пудовкина.

— Как думаешь, комиссар, встречать противника?

— Огнем, товарищ комполка, — ответил ему военком.

— Что огнем и клинком — это ясно. Но меня другое волнует, правый фланг у нас слабоватый, — рассматривая карту, оказал Степанов.

— Разрешите мне взять из резерва кавсотню на этот фланг, и, я думаю, белоказаки там не прорвутся.

— Я знал, что ты это предложишь, поэтому и решил с тобой посоветоваться. Действуй.

В 7 часов утра 27 сентября белоказаки атакующей лавой двинулись на позиции 197 полка. Определив главное направление удара противника, А. Пудовкин отдал приказ комбату В. Цепоеву как можно ближе подпустить белоказаков.

— Постарайтесь раньше времени не обнаружить себя, — предупредил его военком. — С сотней Абдурашитова я ударю с левого фланга. — Спустившись в лощину, где его поджидал ординарец, Пудовкин передал ему устное донесение командиру полка об обстановке и планах боя.

— Так и скажи командиру, настроенные у бойцов боевое, к бою готовы, — вскакивая на дончака, сказал Пудовкин. Не успел он отъехать и двухсот метров от пози-

ций батальона Цепоева, как со стороны правого фланга послышалось цоканье «максима».

«Ну, кажется, началось», — подумал военком, прижимая шпоры к поджаристым бокам коня.

Кавсотня выходила на исходные позиции, когда к ней прискакал Пудовкин.

— К бою готовы, товарищ военком, — отдал короткий рапорт лихой наездник и рубака Хамидулла Абдурашитов.

Объяснив бойцам в нескольких словах цель флангового удара, Пудовкин поднялся на наблюдательный пункт. Бой шел по всей линии обороны полка. Белоказаки несколько раз бросались в атаки, откатывались назад и снова рвались вперед.

— Ну, братцы, наступил и наш черед, — сказал полткомиссар. Блеснули клинки, взметнулась земля из-под копыт лошадей. Все ближе и ближе белоказачьи цепи конницы и пехоты. Поредевшие ряды батальона Цепоева и его соседа Пименова, увидев своих конников, прекратили стрельбу и с криком «Ура!» начали высккивать из окопов.

Пудовкин с Абдурашитовым врезались в гущу белоказачьих. Военкома с тыла прикрыл его помощник и друг Аникин Иван. Отбиваясь от двух белоказачьих, он заметил, как на Пудовкина, занятого боем, направил своего коня широкоплечий казак. Подняв рысака в стойку, Аникин выпадом в сторону рванулся на выручку комиссара. Окровавленная туша врага свесилась с седла. Но в это время он почувствовал тяжелый удар вдоль плеча. На подмогу подскочил Абдурашитов, но было поздно — Аникин не стало. Бой достиг высшей точки. Пудовкин, увлеченный боем, кроша белоказачьих слева и справа, вначале не почувствовал удара в бок. Но потеря крови вскоре дала себе знать, правая рука непослушно поднималась для удара. Силы оставляли военкома. Но и враг уже был не в состоянии продолжать бой. Не выдержав стремительного удара с фланга, остатки белоказачьих ретировались бегством.

— Победа! — кричали бойцы, обнимая друг друга. Победа, но каким усилием, какими жертвами она досталась. Смертью героев погиб политический сотрудник

полка Иван Аникин, до последнего дыхания бился комбат Василий Целоев. Сложили свои головы под хутором Маховым и Гаврилиным командир 8 роты Еникеев Абдулла, красноармейцы 3 роты И. Касымов, И. Серов, Ф. Пономарев и Н. Парфенов. Перестало биться сердце пулеметчика-шахтера из Донбасса Матвея Левашова. Не услышат бойцы голос запеваля кавсотни, командира отделения Амира Мизелева. Не поведет больше в бой 5-ю роту Ишмухамедов. Временно вышли из строя помощник командира полка Андрей Бауэр и военнополитический комиссар Александр Пудовкин. Отдав прощальный салют над свежим холмом братской могилы боевых друзей, они уезжали в далекий армейский госпиталь¹.

Одержав крупную победу, полк через станицу Букановскую без боя прошел в х. Остроуховский, а затем на левый берег Дона в х. Шемякин.

Пока А. Пудовкин находился в госпитале, на Южном фронте развернулись ожесточенные бои. Дешкинцы, захватив Орел, стремительно двигались к Туле. Одновременно с этим начал наступление на Петроград Юденич.

В этот тяжелый момент Центральный Комитет партии во главе с В. И. Лениным поднял всю страну. «Положение чрезвычайно тяжелое, — говорил Владимир Ильич, обращаясь 16 октября 1919 года к рабочим-коммунистам, уезжавшим на фронт. — Но мы не отчаиваемся, ибо знаем, что всякий раз, как создается трудное положение для Советской республики, рабочие проявляют чудеса храбрости, своим примером ободряют и воодушевляют войска и ведут их к новым победам»².

По указанию В. И. Ленина в районе Орла начала концентрироваться ударная группа для отпора врагу. Реввоенсовет Республики вынес постановление о разделении Южного фронта на два фронта: Южный и Юго-Восточный. В Юго-Восточный фронт вошли 9 и 10 армии. Командующим фронтом был назначен бывший командующий Особой группой Южного фронта В. И. Шорин.

¹ ЦГАСА, ф. 3487, оп. 1, д. 75, л. 248.

² В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 18.

Согласно постановления Реввоенсовета на армию Юго-Восточного фронта возлагалась вспомогательная, но в то же время важная задача сковать на этом фронте крупные силы Кавказской армии Врангеля и Донской — Сидорина. Эта задача была успешно решена. Перед 9 и 10 армиями «белые» вынуждены были сосредоточить около 30 тысяч штыков и более 24 тысяч сабель. Почти ничего из этих войск деникинское командование не могло перебросить в помощь «Добровольческой» армии, хотя и пытались это сделать¹.

Терзаемый плохо заживавшей раной, Пудовкин вынужден был три месяца находиться в госпиталях. Спокойно было в госпитале, сюда не долетали снаряды и пули врага, не слышно было шума кавалерийского бая, но не спокойно было на сердце у военкома:

«Как там полк, где он сейчас», — думал Пудовкин.

Из оперативных сводок ему было известно только то, что 22 дивизия в составе 9 армии мужественно сражалась в тылу «Добровольческой» армии Деникина, отступающей с севера под ударами Первой конной армии Буденного.

Наконец наступил долгожданный день. Накануне нового года Александр Пудовкин возвращался в родной полк, который по приказу командарма 9-й А. Степняк вместе с другими частями готовился к переправе через Северный Донец. Догнал Пудовкин свой полк в хуторе Старо-Сенютин.

Полк на семьдесят процентов состоял из новых бойцов и командиров. Вскоре после ранения Пудовкина тяжело заболел комполка А. Степанов, вместо него командование принял Петр Павлович Решетников, уроженец с. Перекошино Новоузенского района Самарской губернии. Вместо погибшего В. Цепоева командиром 2 батальона стал Сергей Барабашкин. Временно замещал военкома сотрудник политотдела дивизии Арефьев.

Преследуя отступающую Донскую армию, части 9 армии стремительно двигались вперед. За семь дней боев наступившего 1920 года 197 мусульманский полк прошел хутора Демин, Скобелев, Поляков, Рязанский, Быстрянский, Ковылкин и Шарпаевский.

¹ История гражданской войны в СССР, 1957, т. 4, стр. 275.

7 января 1920 года 9 армия заняла город Новочеркасск. Через два дня был взят войсками Первой конной и 8 армиями город Ростов-на-Дону. Разбитые части белых были отброшены за Дон. Командующий 9 армией Александр Карлович Степинь и Реввоенсовет армии обратились к своим войскам с приветственной телеграммой:

«Чудо-богатыри, красноармейцы, командиры и комиссары IX армии!. Вы разбили Донскую армию южной контрреволюции... Вы дали неисчислимые богатства рабоче-крестьянскому правительству. Орлы IX армии, Реввоенсовет твердо уверен, что в ближайшем будущем вы нанесете последний, сокрушительный удар врагу».

В тот же день А. Пудовкин собрал полковый митинг, после краткого доклада П. Решетникова он зачитал телеграмму командования IX армии и призвал красноармейцев и командиров вложить все силы и мужество в завершающий разгром белогвардейщины и интервентов. Небольшая передышка и снова вперед.

15 января 1920 года комбат Кириллов доставил в штаб пленного казака, из допроса которого командованию полка стало известно, что в ст. Константиновской идут бон белоказаков с 3 кавбригадой 14 дивизии. В составе 22 донского кавполка белых осталось только 200 сабель и четыре пулемета. В остальных полках и того меньше.

— Надо помочь товарищам, — обратился Пудовкин к командиру полка. — Наш удар с тыла сохранит десятки жизней красных конников и закроет белоказакам отступление к основным силам.

— Ну, если так решил комиссар, — улыбаясь сказал Решетников, — тому и быть.

16 января полк пошел в наступление и к исходу дня вышел на ст. Константиновскую. Только небольшой группе белоказаков удалось уйти из «мешка» и прорваться к своим, остальные были убиты, а частью взяты в плен.

Поражение за поражением поколебало моральный дух казачества. Они группами стали перебегать в наши части.

Простояв в Константиновской пять дней, 197 мусульманский полк, несмотря на проливные дожди и распутицу, выступил на х. Мало-Мечетный. После небольшого

боя отряд из 18 казачьего полка полковника Дьячкина отступил на слободу Орловку, но и там задержаться ему не удалось. 24 января Пудовкин с двумя батальонами очистил Орловку, куда перебазировался весь полк. На следующий день казаки были выбиты из х. Дальнего.

Подводя итоги боям последних недель, обращаясь к войскам, командарм писал в приказе: «При невероятно тяжелых условиях вы совершили почти небывалое в военной истории дело... Под огнем противника произвели форсирование рек: Дона, Донца, Старого Дона, Аксяя, Сала, Сувата, Подпольной и пр. Благодаря вашей самоотверженности противник опрокинут на южный берег реки Маныча... История и потомки оценят ваши доблестные подвиги перед Республикой. Честь и слава вам! Товарищи, вперед на Кавказ!»¹

В связи с завершением разгрома Донской армии, Юго-Восточный фронт был переименован в Кавказский.

Отбросив белоказачков за реку Маныч, наши части начали готовиться к ее форсированию. Находясь в хуторе Казюрин, Решетников и Пудовкин 2 февраля 1920 года издали следующий приказ:

«Справа 23 дивизии приказано выйти на линию реки Маныч. Слева 18 дивизия занимает Платоновскую. 3-я кавбригада выполняет прежнюю задачу, выходит на линию станицы Торговой и далее. Первая кавбригада сосредотачивается за левым флангом. 23 дивизия за нашим правым флангом. Армейский резерв составляет 14 дивизия.

§ 1. Комбату 1 приказываем расположить батальон на юго-восточной окраине х. Казюрина... Вправо держать конную связь с 190 и 191 полками. Комбату напяречь все силы к сохранению живой силы батальона. Разгрузить лишние обозы, а людей влить в ряды и быть в полной боевой готовности.

Запасться достаточным количеством патронов, имея в виду передвижение полка вперед и форсирование р. Маныч. Вместе с разведчиками кавсотни изучить точные места переправы через р. Маныч в районе заимки Рубашин.

Командиру сотни расположиться на северной окраи-

¹ ЦГАСА, ф. 3487, оп. 1, д. 26, л. 4.

не хутора Миронова в одной версте от хутора Казюрина...»

Несмотря на успехи, 9 армия в это время испытывала большие трудности, несколько месяцев не получая пополнений. Состав некоторых частей уменьшился больше чем наполовину. Ко всему еще свирепствовал тиф.

На пути к Кавказу росло сопротивление белых. Отступив за Дон и Маныч, Деникин собрал на небольшом участке фронта крупные силы, дополнительно мобилизовав по хуторам и станицам казаков. Попытки наступления некоторых наших частей потерпели неудачу.

Учитывая сложность положения, Реввоенсовет 9 армии вынужден был информировать об этом В. И. Ленина. В телеграмме на его имя указывалось, что «неблагоприятно сложившаяся обстановка вызвана крайней малочисленностью наших полков, не пополнявшихся с самого начала общего наступления, поредевших в боях, опустошенных тифом. Противник почти поголовной мобилизацией поставил в строй всех бежавших казаков и располагает в настоящее время большим количеством живой силы по сравнению с нами. Отсутствие пополнений... грозит превратить наши неудачи в общий кризис на всем Кавказском фронте»¹.

Поэтому, подписывая приказ о подготовке к форсированию р. Маныча, Решетников и Пудовкин обратили основное внимание командира первого батальона на пополнение живой силы за счет обслуживающих бойцов обоза.

Однако это не спасло положения. В бою под хутором Жарбаковым, попав в окружение большой группы деникинцев, полк с трудом прорвал кольцо противника, лишившись части одного из батальонов.

Отойдя в станицу Орловку, полк начал переформировку, пополняя состав за счет вновь прибывших.

12 февраля 1920 года командование Кавказским фронтом поставило армиям следующие задачи: 8 армия должна была нанести главный удар в направлении ст. Кагальницкой, 9 армия—развить удар в общем направлении на х. Ново-Роговской, 1-я конная—энергичным ударом должна была разрезать фронт противника на

¹ ЦГАСА, ф. 192, оп. 1, д. 6, лл. 26--29.

стыке Донской и Кубанской армий и прорваться в район станицы Тихорецкой.

14 февраля армии Кавказского фронта приступили к выполнению намеченного плана. Совместными усилиями Советские войска нанесли сильнейший удар по Донской и Кубанской армиям белых, освободив ряд городов и населенных пунктов.

27 февраля 197 мусульманский полк в составе 22 дивизии выступил на Краснодар. 17 марта войска 9 армии подошли к Краснодару и после ожесточенного боя овладели им. 22 дивизия под командованием С. П. Захарова, в составе которой мужественно сражался 197 мусульманский полк, совместно со сводным конным корпусом Д. П. Жлобы первыми вступили в Краснодар. В битве за город противник потерял 20 тысяч пленными, 40 орудий, более 100 пулеметов, 4 бронепоезда и 30 аэропланов. Бойцы прославленной 22 стрелковой дивизии проводили в этом городе в последний путь своего любимого командира С. П. Захарова, сраженного вражеской пулей. За три месяца полк Пудовкина прошел более 1000 километров. Все испытал за это время военком: и радость успеха и горечь поражения.

— Ох и здоров же ты Александр, как я посмотрю, — говорил Пудовкину комполка, — откуда у тебя только силы берутся!

— Я их десять лет по тюрьмам матушки России копил, — улыбаясь одними глазами, отвечал ему военком, — чтобы потом отдавать их сполна. Я верил и знал, что это время наступит. И, как видишь, — не ошибся.

Несмотря на все невзгоды тяжелой жизни, Пудовкин действительно был бодр и энергичен. Те, кто не знал его близко, не могли поверить, что этот плотно сложенный черноусый командир почти одиннадцать лет провел в застенках тюремных казематов и третий год стоит насмерть у завоеваний Октября.

И вот сейчас, заняв город, Александр Александрович уже занимается устройством красноармейцев полка на постой, дает разнос «хозяйственникам» за несвоевременную доставку обедов, посетил раненых бойцов и отдал почесть погибшим.

26 марта 1920 года 197 мусульманский полк на основании приказа командира дивизии оставил г. Краснодар.

Пройдя у братской могилы погибших товарищей, полк двинулся вперед, тесня белоказаков к Черному морю. Потрешанные части противника отступали без особого сопротивления. Позади остались станицы Северная и Ильская, Холмская и Ахтырская, Абинская и хутор Шаббахинский. 28 марта полк Пудовкина вошел в Геленджик.

Тем временем основные силы 9 армии во взаимодействии с 8 армией, при помощи партизан очистили от белоказаков город Новороссийск. Остатки Кубанской армии белых, выскочив из-под удара, прорвались к Туапсе, но и там им удалось задержаться ненадолго, 8 апреля 1920 года Туапсе стал советским.

1 апреля 1920 года на основании приказа командира 22 стрелковой дивизии, 197 мусульманский полк перебазировался в город Новороссийск, где разместился по улицам Чайковской и Романовской. Но в связи с бандитскими налетами на Геленджик и его окрестные станицы белоказаков, укрывшихся в горах, полк вынужден был вернуться в Геленджик для борьбы с ними и охраны в этом районе морских границ.

Александр Пудовкин приказом по дивизии был назначен военнополитическим комиссаром Геленджикского гарнизона.

Несмотря на разгром белогвардейцев и иностранных интервентов, обстановка в районе Сочи—Геленджик—Новороссийск оставалась напряженной. Корабли англо-французского флота, выбитые из черноморских портов, продолжали курсировать в прибрежных водах с целью высадки десантов. Батарея 197 полка с гаубичными орудиями закрыла вход в Геленджикскую бухту, пехотные подразделения с кавсотеи расположились в станицах Ильской, Кабардинке, Северной и других, ведя борьбу по ликвидации белоказачьих банд.

6 июня 1920 года в приказе по гарнизону города Геленджика А. Пудовкин писал:

«На основании приказа по 66 стрелковой бригаде за № 38 хождение по городу разрешается только до 23 часов по новому времени, после указанного времени лица, не имеющие на то особых пропусков, будут задерживаться и препровождаться на гауптвахту к коменданту города, а также после указанного времени никаких огней

быть не должно, если таковые необходимы в домах, то нужно закрывать ставни или занавешивать окна, дабы не прощкал свет. Катание по вечерам на лодках в бухте прекратить и никаких огней по побережью моря не разводить. Рыбакам ловлю рыбы по ночам прекратить. Замеченные лица в неповиновении настоящего приказа будут караться по законам военного времени»¹.

После ликвидации основных сил белогвардейских банд в районе Геленджика Жукеев — Пудовкин был отозван в распоряжение штаба Кавказского фронта. Около года Тавалды с частями особого назначения (ЧОН) громил контрреволюционные банды на Кавказе и в Крыму. Вылавливал иностранную агентуру и контрабандистов. Много сил и труда он вложил в восстановление и укрепление Советской власти в районах Черноморского побережья. На какой бы пост не направлялся Жукеев — Пудовкин, он везде с честью оправдывал доверие партии и командования.

В мае 1921 года Жукеев — Пудовкин прибыл в разведывательное управление Туркестанского фронта, которое направило его в Алма-Атинское разведотделение для борьбы с контрреволюцией в пограничной полосе.

После разгрома белой армии Анненкова, июньского антисоветского мятежа в 1920 году в г. Верном и ноябрьского в г. Нарыне, остатки белогвардейцев бежали в Китай. В провинции Синьцзян они начали формировать воинские соединения. Руководство белогвардейским скопищем весной 1921 года разработало план вооруженного вторжения на советскую территорию. В выпускаемых листовках белогвардейцы призывали к походу против Советской России.

Согласно детально разработанному плану белогвардейцы намеревались основные силы бросить на Чугучак для захвата там складов оружия и боеприпасов, а затем, соединившись с белогвардейскими бандами Кульджинского района, начать наступательные операции против Советского Семиречья.

После долгих переговоров с китайскими властями 16 мая 1921 года было достигнуто соглашение о прове-

¹ ЦГАСА, ф. 3487. оп. 1, д. 27, л. 4.

дении совместной операции по уничтожению белогвардейских банд на территории провинции Синьцзян. На основании этого соглашения в стан белогвардейцев были направлены мужественные большевики для разложения контрреволюционных банд изнутри и подготовки мероприятий для их уничтожения. В числе верных сынов Коммунистической партии, направленных в Синьцзян, был и Тавалды Жукеев.

Ответственную и опасную для жизни работу проводил Жукеев в логове белогвардейцев, укрывшихся в Китае.

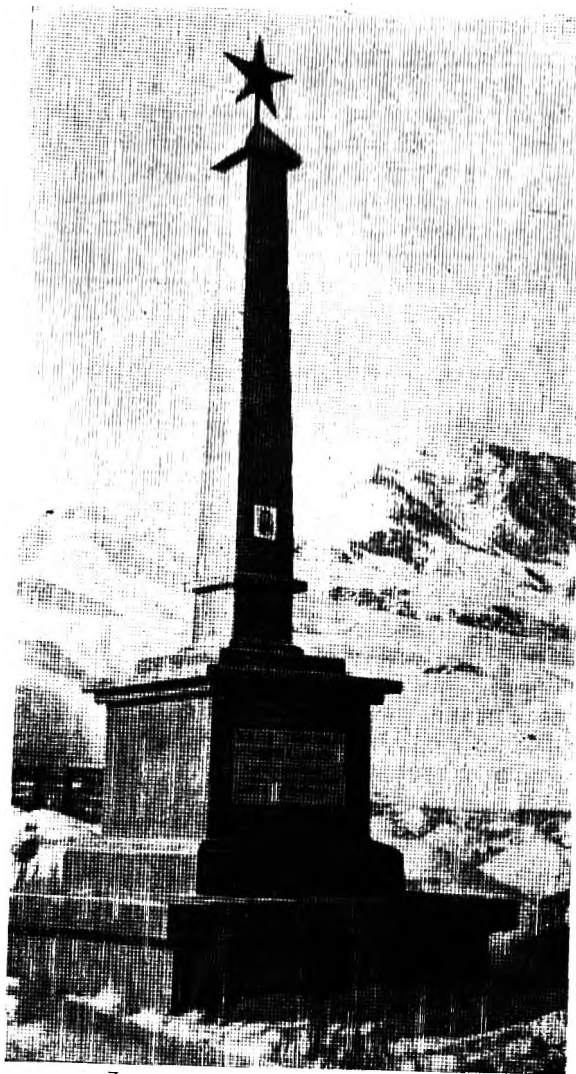
В результате ряда смелых операций, проведенных советским командованием, белогвардейские банды были ликвидированы.

В 1924 году в связи с расформированием Алма-Атинского разведывательного управления Жукеев — Пудовкин демобилизовался и выехал в Пишпек (Фрунзе). Здесь он был назначен инспектором уголовного розыска Пишпекского уезда.

Возвращение Жукеева на родину совпало со знаменательной датой в жизни киргизского народа.

Претворяя в жизнь ленинскую национальную политику, основанную на равноправии и дружбе между народами, II сессия ВЦИК СССР приняла решение провести национальное размежевание Средней Азии. В результате размежевания Киргизия была выделена из Туркестанской АССР в самостоятельную Автономную область, непосредственно входящую в состав РСФСР. С образованием Автономной области киргизский народ впервые в своей многовековой истории обрел государственную самостоятельность.

Трудящиеся были благодарны Коммунистической партии и Советскому правительству за заботу о киргизском народе. На митингах и собраниях рабочие, дехкане обещали отдать все силы строительству социализма в Киргизии. Только враги Советской власти и ленинской национальной политики, баи, манапы, кулаки, буржуазные националисты и великодержавные шовинисты злобно встретили это историческое событие. Они даже попытались использовать автономию в своих враждебных целях. Пробравшись в состав Ревкома Автономной области и его органы на местах, они начали саботировать

Памятник на могиле Т. Жукева —
А. А. Пудовкина в гор. Нарыне

мерприятия партии и правительства, разжигать национальный антагонизм, не останавливаясь перед вредительством.

Меч революции не дрогнул в руках революционера-большевика Тавалды Жукеева. Он со всей беспощадностью обрушился на врагов Советской власти и наносил им удары там, где они их меньше всего ожидали. По 1927 год Жукеев выполнял эту черновую, но почетную работу партии, создавая нормальные условия трудящимся в деле строительства социалистического общества в нашей многонациональной стране. В течение двух последующих лет он находился на ответственной хозяйственной и советской работе. С августа 1929 года по день смерти Жукеев — Пудовкин являлся заведующим Государственной земельной инспекции Нарынского кантона.

Тяжелое детство, революционная борьба, десятилетняя тюрьма со всеми ее жестокостями, годы гражданской войны и борьба с контрреволюцией оставили глубокий след и отразились на здоровье большевика Жукеева. Страдая на протяжении нескольких лет болезнью сердца и расстройством общей нервной системы, в 1930 году, на 48 году жизни, Тавалды Жукеев — Александр Александрович Пудовкин скончался.

Киргизский народ свято чтит память своего первого революционера — большевика Жукеева — Пудовкина, который посвятил всю сознательную жизнь служению народу, борьбе за счастливое будущее всего человечества, за торжество коммунизма.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Детство и юношеские годы	4
В годы первой русской революции	9
В тюремных казематах	15
От Февраля к Октябрю	31
В годы гражданской войны и социалистического строи- тельства	35

Семенов Василий Николаевич

БОРЕЦ ЗА НАРОДНОЕ ДЕЛО

Редактор *И. Е. Семенов*
Оформление худож. *И. Бульба*
Худ. редактор *Э. Касымов*
Тех. редактор *С. Чотиев*
Корректор *П. С. Лесничая*

Слано в набор 2/II-1963 г. Подписано к печати 10/V-1963 г.
И 03570. Бумага 84X108 1/32 1,75 физ. печ. л., 2,94 услов. печ. л., 2,74 учет.-изд. л.
Тираж 3000. Заказ 888. Цена 6 коп.

Токмакская городская типография Управления полиграфиздата Министерства
культуры Киргизской ССР, г. Токмак, Шамсинская, 71.

Цена 6 к.